

Константин Паустовский

Колхида

Повесть

ДИКАЯ КОШКА

*Кто убьет кошку,
тот подлежит смерти.*
Древний мингрельский закон

Ветер швырнул в окна духана горсть пыли и сухих розовых лепестков. Нервно перебирая зелеными листьями, заволновались пальмы; их шум был похож на скрежет. Дым из труб мчался вдоль плоских улиц Поты, смывая запах отцветающих мандаринов. Лягушки на городской площади перестали кричать.

— Будет дождь, — сказал молодой инженер Габуня.

Он с досадой посмотрел за окно. На стекле проступала замазанная мелом надпись: «Найдешь чем закусить».

Дождь медленно надвигался с моря. Он лежал над водой, как тяжелый дым. В дыму белыми клочьями метались и визжали чайки.

— Двести сорок дней в году здесь лупит непрерывный дождь, — добавил Габуня.

— Пламенная Колхида! — пробормотал Лапшин. — Один ученый высчитал, что на землю ежегодно выпадает девяносто кубических километров дождя. По-моему, все эти дожди выливаются здесь.

Эти слова не произвели на Габуню никакого впечатления.

Хозяин духана, толстый гуриец, задыхался от астмы. Он был равнодушен ко всему на свете — к обедавшим инженерам, к старику с посохом, Артему Коркия, понуро сидевшему за пустым столиком, к бродячему самоучке-художнику Бечо и даже к приближавшемуся ливню. Он томился от духоты и хмурых мыслей, сгонял мух со стаканов, липких от вина, и изредка пощелкивал на счетах.

Бечо рисовал масляными красками на стене духана необыкновенную картину. Сюжет картины ему подсказал Габуня. Она изображала Колхиду в будущем, когда вместо обширных теплых болот эта земля зацветет садами апельсинов. Золотые плоды, похожие на электрические лампочки, горели в черной листве. Розовые горы дымились, как пожарище. Белые пароходы проплывали среди пышных лотосов и лодок с нарядными женщинами. В садах пировали мингрелы в галифе и войлочных шляпах, и ко всему этому детскому пейзажу

простирали руки старик в черкеске, с длинными вьющимися волосами и лицом Леонардо да Винчи.

— Где он взял портрет Леонардо? — спросил Лапшин.

Габуня покраснел:

— Я ему дал. Пусть рисует.

Лапшин пожал плечами.

Тяжелые капли медленно ударили по тротуару. Духан начал наполняться людьми, спасавшими-мися от дождя. Они смущенно здоровались с хозяином, так как ничего не могли заказать. Потом каждый внимательно рассматривал работу Бечо.

Гул восхищения перебегал от столика к столику. Люди щелкали языками и удивлялись мастерству этого кроткого человека.

Хозяин, внимая общему восторгу, сердито нашвырял на тарелку кукурузной каши и жареной рыбы, налил стакан терпкого вина и подал Бечо. Это была ежедневная плата ему за работу.

Бечо сполоснул руки вином, съел рыбу, закрыл глаза и вздохнул. Он отдыхал. Он слушал шепот похвал и думал, что хотя духан и кооперативный, но хозяин явно обманывает его и кормит хуже, чем было условлено.

Шум дождя начал заглушать говор посетителей духана. Вода пела в водосточных трубах и с шипением хлестала в закрытые окна.

Капли торопливо выстукивали дощатые стены и вывески, будто тысячи маленьких жестянщиков и плотников затеяли веселое соревнование.

Дул юго-западный ветер. Он гнал тучи, как отару серых овец, и прижимал их к стене Гурийских гор.

Постепенно к плеску, стуку, шороху, бульканью — ко всем легкомысленным звукам воды присоединились тяжелый гул людских голосов и гортанные выкрики.

Посетители духана бросились к окнам. Мокрая толпа валила по мостовой. Впереди бежали мальчишки. За ними шел высокий мрачный человек с ружьем, закинутым за плечо. Глаза его дико сверкали. Он гордо нес за хвост черного мохнатого зверя. С морды зверя падали капли дождя и крови.

Из соседней парикмахерской выскочил маленький старик с намыленным лицом. Мыло стекало на его серую черкеску. Он пощупал зверя и отшатнулся.

— Рамбавия! — крикнул он. — Ты застрелил дикого кота, кацо!

Толпа зашумела. Охотник вошел в духан. Он швырнул мокрого, скользкого зверя хозяину. Звякнули стаканы. Гул от удара тяжелой туши о прилавок потряс воздух.

В духане стало тесно. Люди кричали с таким азартом, будто дело шло о жизни и смерти.

Владелец зверя вытер ладонью мокрое лицо и предложил хозяину глухим и грозным голосом:

— Купи шкуру, заведующий.

Толпа стихла. Нельзя было пропустить ни одного слова из этого необыкновенного торга. Дело шло о шкуре дикого кота, быть может последнего дикого кота, застреленного в болотистых лесах Колхиды.

Хозяин духана смотрел на зверя желтыми глазами и молчал. Девушка с курицей под мышкой и букетом роз в руке влезла на стул и заглядывала на прилавок.

Курица перестала выклевывать лепестки роз, закудаhtала и всплеснула крыльями. Тогда старик Артем Коркия закричал, потрясая над головой посохом:

— Проклятие на твою голову, кацо! Ты убил кошку. В старые времена за это наказывали смертью.

— Я извиняюсь, — владелец зверя хмуро посмотрел на Коркию, — я извиняюсь перед старым человеком, но это не кошка.

Толпа ахнула. Только сейчас она увидела, что это вправду не дикий кот. На прилавке лежал мохнатый зверь, похожий на громадную крысу.

— Так что же это такое, если не кошка? — растерянно спросил Коркия.

— Не горячись, ради бога! — крикнул владелец зверя с глухой яростью. Смотри глазами!

Габуня и Лапшин протискались к прилавку. Зверь был странный. На его сильных лапах желтели плавательные перепонки. Длинный голый хвост свисал почти до земли.

Толпа недоумевала. Все смотрели на хозяина духана и ждали. Но хозяин задыхался и сердито молчал.

В это время появился аспирант Института пушнины Ваню Ахметели. Он легко шел через толпу, как через пустую площадь, отстраняя зевак. За ним спешил маленький милиционер Гриша с роговым свистком в руке.

Ваню подошел к прилавку и поднял зверя за хвост. Гриша засвистел, расставил руки и начал пятиться, оттесняя толпу. Он кричал на упрямых и издевался над человеческим любопытством:

— Ай, умрешь, когда не увидишь? Какой любопытный! Смех душит смотреть на таких глупых людей!

— Где убил? — спросил Ваню охотника и сжал густые брови.

— На Турецком канале.

— Как тебя зовут?

— Гулия.

— Ну что ж, Гулия, — тихо сказал Ваню, — ты убил запрещенного зверя. Две недели посидишь.

Гулия сердито высморкался. Потом он страшно посмотрел на Ваню и пробормотал:

— Крысиный сторож! Убью лягушку, ты тоже меня арестуешь?

— Не волнуйся, кацо. На суде тебе дадут слово... Гриша, сходи с ним в милицию.

Толпа повалила за Гришей и Гулией. Охотник был взбешен. Он снова нес зверя за хвост, но уже без прежней гордости. Зверь стучал головой о мокрые плиты тротуара.

Дождь затихал. Он сыпался мелкой пылью.

В духане остались Габуня, Ваню и Лапшин.

— Что это за животное? — спросил Лапшин.

Ваню притворно удивился:

— Неужели не знаете? Аргентинский зверь нутрия с реки Рио-Негро.

— Простите мое невежество, — ответил язвительно Лапшин, — но я не зоолог, а ботаник.

— Вы специалист по влажным субтропикам. Должны бы, кажется, знать.

Габуня постарался замять разговор, готовый перейти в ссору. Каждая встреча Ваню с Лапшиным кончалась колкостями. Ваню не любил молодого ботаника за его американские костюмы из мохнатой розовой шерсти и изысканные манеры. Ваню казалось, что ботаник смотрит на советские дела свысока, как знатный иностранец.

Габуня краснел от всяких резких выходов. Он был застенчив, высок. Малярия покрыла желтым налетом белки его всегда улыбающихся глаз.

— Нутрия, — сказал он, смешавшись, — самый драчливый зверь в мире.

Эта новость была встречена равнодушно. Ваню с горечью посмотрел на Габуню:

— Когда ты высушишь болота и сделаешь из Колхиды вот эти замечательные сады, что рисует Бечо, нутрия погибнет. Ты главный убийца нутрий. Им нужны джунгли, а не лимонные сады. Конечно, жаль...

Все посмотрели на картину Бечо. Дождь стих. Солнечный свет прошел через листву магнолий и превратился в зеленоватый сумрак. В этом мягком освещении картина Бечо показалась Габуне совсем новой. Хотелось потрогать пальцем тяжелые апельсины.

— Чего жаль? — спросил рассеянно Габуня.

— Работы, — ответил Ваню. — Два года я ухлопал на этих проклятых зверей. Я заведующий их размножением. Мне жалко напрасной работы и джунглей, повторил Ваню. — Твои экскаваторы разогнали диких кабанов. Даже шакалы удирают в горы.

— Ну и черт с ними!

Лапшин ушел. Ему хотелось расспросить Ваню, как попала нутрия из Аргентины в эти места, но он сдержался.

Весь окружающий мир был ему неприятен. Ему не нравилась эта плоская болотистая страна с пышным названием, не нравились затяжные теплые дожди, мутные реки, мчавшиеся в море со скоростью курьерских поездов, деревянные дома на сваях, наконец духаны, где подавали теплое вино с привкусом касторки.

Снова начал накрапывать дождь. Солнце исчезло. И, как всегда во время дождя, город наполняли запахи настолько резкие, что их можно было воспринимать на ощупь. То были мягкие запахи эвкалиптов, липнувший к лицу запах роз, стягивающий кончики пальцев запах лимонов. Но все эти запахи существовали только до первого порыва ветра. Стоило ему прошуметь по садам, перевернуть листья и махнуть пылью по улицам, как все менялось. Вместо сладких испарений, вызывающих лень и головную боль, город продувало едким морским сквозняком.

Габуня любил ветры. Ему казалось, что они выдувают из его тела маляриную слабость.

— Когда будут судить этого человека? — спросил Габуня.

— Дня через два.

Габуня попрощался с Ваном и вышел на улицу. Рион ревел, сотрясая мосты, и катил в море жидкую глину. Габуня медленно, походкой малярика, пошел к порту.

Он думал о том, что собственная мягкость ставит его в ложное положение. Он избегал разговоров с Ваном. Его не оставляло ничем не оправданное чувство вины перед Ваном за то, что он, Габуня, осушает колхидские болота, проводит каналы, выкорчевывает девственные леса и сжигает джунгли, где живет нутрия.

Зверя этого привезли с большим трудом из Аргентины и выпустили размножаться в колхидских болотах. Ваном два лета сряду следил за размножением нутрии и рассказывал чудеса о ее драгоценном мехе.

Нутрия плодилась быстро, но никто ее не видел, кроме Ваном и редких мингрелов-охотников. Они рассказывали о страшной драчливости этих зверей. Нутрии дерутся сутками, и всегда насмерть. Они очень пугливые и не подпускают человека даже на сто шагов, но во время драки приходят в такую ярость, что к ним можно смело подойти и растащить дерущихся за хвосты. Драка всегда начинается с одного и того же сильного приема: нутрии вцепляются друг другу в пасть и стараются выломать зубы. Нутрия, нырнув, может просидеть под водой минут пять без воздуха.

Габуния не понимал, как только Ваню может возиться с этим отвратительным зверем.

Ваню, изучая нутрию, целые месяцы проводил в болотах. Постепенно он стал певцом колхидских джунглей — душных лесов, перевитых лианами, гнилых озер, всей этой запущенной, разлагающейся на корню малярийной растительности.

Ваню называл леса Колхиды тропическими, хотя, кроме северной ольхи и рододендронов, в них почти не было других деревьев. Здесь было странное смешение севера и юга. Ольха в Колхиде росла со сказочной быстротой. На свежей порубке в три года вырастал непроходимый лес.

Габуния чувствовал, что Ваню втайне враждебен громадным осушительным работам, начатым в Колхиде. Ваню откровенно радовался тому, что работы идут медленно из-за малярии, наводнений, дождей и тонущих в болотах экскаваторов.

Габуния знал, что рано или поздно придется дать Ваню бой по всему фронту. Но все же иногда ему было жаль Ваню: экскаваторы шаг за шагом врзались в легендарные земли Ваню, рвали лианы, вычерпывали озера вместе со смуглыми, золотыми сазанами, гнали к морю кабанов и нутрию и оставляли за собой глубокие рвы, горы липкой глины и кучи гнилых пней.

Леса Колхиды стояли по колено в воде. Корни деревьев плохо держались в илистой почве. Несколько рабочих легко валили дерево, обвязав его цепью. Это считалось безопасной работой. Деревья никогда не падали. Они повисали на колючих лианах толщиной в человеческую руку. Леса густо заросли облепихой и ломоносом, ежевикой и папоротником.

Сила растительности была потрясающей. Ломонос всползал на деревья и переламывал их, как траву. Кусты ежевики подымались на глазах. За лето они вырастали на два метра.

Трава в этих лесах не росла. В них было темно, душно и почти не было птиц. Птиц заменяли летучие мыши. Леса стояли непроходимые и мертвые в тумане теплых дождей.

Когда дул ветер, леса внезапно меняли темный цвет и становились точно ртутными. Ветер переворачивал листву ольхи, снизу она была серой.

Дни, месяцы и годы леса шумели и качались волнами тусклого серебра, и Габуния прекрасно понимал досаду Ваню. Иногда и ему было жаль этих лесов.

Начальник осушительных работ в Колхиде инженер Кахиани смотрел на вещи гораздо проще. Он не замечал ни лесов, ни озер, заросших кувшинкой, ни бесчисленных рек, пробиравшихся в

зеленых туннелях листвы. Все это подлежало уничтожению и ощущалось им как помеха.

Кахиани считал Вану глупым юнцом. В ответ на горячие речи в защиту джунглей и нутрии Кахиани небрежно отмахивался и кричал. Grimаса горечи никогда не сходила с его лица. Говорили, что эта гримаса появилась у него от злоупотребления хиной: Кахиани не спеша разжевывал хинные таблетки и глотал их, не запивая.

Сожаление о прошлом, о девственных лесах было ему органически чуждо. Он считал, что природа, предоставленная самой себе, неизбежно измельчает и вырождается. Со скукой в глазах он доказывал это ссылками на работы видных ученых.

Габуню начальник работ считал способным, но слишком мечтательным инженером. Он называл его «романтиком инженерии» и сердился, когда находил в комнате Габунии книгу стихов Маяковского или Блока.

— Самая классическая литература, — говорил Кахиани, — это математика. Все остальное — тарарам!

Единственным человеком, который сочувствовал Вану, был старый инженер Пахомов, автор грандиозных проектов осушения колхидских болот. Сидя над синими чертежами, он изредка вздыхал:

— Я рад, что не доживу до конца работ. Искренне рад! Все-таки, знаете, жалко уничтожать природу.

И тут же прокладывал на кальке сеть каналов через только что оплаканные девственные леса и стучал карандашом по столу:

— Еще две тысячи гектаров выкроим под цитрусы! Недурно!

Старик был чудаковат. Это он подговорил Бечо пририсовать к пейзажу в духане фигуру Леонардо.

— Как же ты, друг, рисуешь будущую Колхиду и без такого мелиоратора, как Леонардо да Винчи? — упрекнул он Бечо.

Бечо с недоверием посмотрел на Пахомова:

— Так он же был художник!

— Художник — дело десятое. Художник он замечательный, но и мелиоратор не худший.

После этого Бечо выпросил у Габунии портрет гениального итальянца.

С именем Пахомова было связано таинственное слово «кольматаж». О нем, об этом способе осушки болот, говорили, как о полете на Марс или превращении Сахары в море. Он был действительно почти фантастичен. Но о нем речь будет позже.

Габуния, приехавший на два дня в город из чаладидских лесов, где он руководил постройкой

главного канала, бродил по порту в поисках капитана Чопа, смотрителя порта. С ним надо было сговориться о матросах для землечерпалки, работавшей на канале.

Габуня часто приезжал в Потти, но каждый раз город и порт производили на него впечатление необыкновенности. Так было и теперь.

В порту Габуню застал вечер.

Пристани пахли сухими крабами и тиной. Сигнальные огни лежали низко над взволнованной водой. Заунывно и тяжело пел у массивов прибой. Так поют сонные матери, укачивая детей.

В стороне города опять сгрудились тучи, освещенные мрачным отблеском уличных огней. Лягушки надрывались в болотах.

Габуня обошел железный пакгауз, вышел на широкую пристань и остановился. В порт входил теплоход «Абхазия». Он шел из Батума. Синеватые звезды сжимались и разжимались в воде около его бортов и переплетались с отражениями белых пароходных огней. Теплоход походил на хрусталь, освещенный изнутри.

Он дал мягкий и гневный гудок. Гудок ударил в низкое облачное небо и разошелся вдаль, как медленные круги по воде. В чаладидских лесах печально откликнулось эхо, потом вернулось повторное, едва слышное эхо из Гурийских гор.

Теплоход грузно поворачивался черной матовой тушей, заполняя порт криками, шумом льющейся воды, детским смехом и грохотом лебедек.

Старые рыболовы с сердцем сматывали удочки, плевались и кричали, что чертовы теплоходы не дают им жить.

«БЕЛЫЕ ВОЛОСЫ»

Молодая женщина с девочкой лет семи сошла с парохода поздней ночью. Пароход был товаро-пассажирский. За сотню шагов от него несло застарелым запахом кожи и нефти. Он привалился к пристани, погасил огни и затих.

Женщина остановилась около своих чемоданов и, наморщив лоб, оглянулась. Никого не было. Редкие пассажиры — мингрелы — легкой, танцующей походкой ушли в темноту, где, очевидно, находился город.

Со всех сторон плескалась вода и гудело равнодушное море.

— Как попасть в город? — спросила женщина наугад в темноту, но ей никто не ответил.

Девочка сидела на чемодане и испуганно смотрела на мать.

Десятилетний чистильщик сапог Христофор Христофориди шел по темному порту. Он нес бамбуковые удочки и тащил заодно ящик с ваксой.

Христофориди был отчаянным рыболовом. Он выходил на ловлю ночью, чтобы захватить место у мигалки, где лучше всего ловилась ставрида. Он дрожал от сырости, губы сводило от холода — к утру Христофориди терял дар речи, — но все эти страдания он переносил с великолепным мужеством.

Христофориди торопился. К восьми часам утра надо было кончать ловлю и обходить квартиры портовых служащих — капитана Чопа, кассира, лоцмана — и начищать всем ботинки. Для ловли оставалось каких-нибудь три часа. После чистки ботинок на дому Христофориди садился в порту у остановки автобуса и начищал за день рубля на два. Место было пустынное и невыгодное. Христофориди выбрал его из непреодолимой склонности к морю и рыбной ловле.

Христофориди спешил, но все же, проходя мимо маленького дома, где жил Чоп, остановился и заглянул в освещенное открытое окно. Дом стоял в начале мола, в самой пустынной части порта. Во время штормов брызги залетали в капитанские комнаты.

Христофориди увидел за окном трех людей. Они густо дымили папиросами и, несмотря на

позднее время, собирались пить чай. Христофориди узнал Чопа, инженера Габунью и английского долговязого матроса, по прозвищу «Сема».

Сема отстал от своего парохода и болтался без дела в Потти. На вопрос, кто он, Сема отвечал по-английски «симэн», что значит «моряк». Чоп прозвал его Семеном, а мальчишки перекрестили в Сему.

— Кто там шлендает под окнами? — крикнул Чоп ужасающим голосом.

Христофориди шарахнулся в сторону и, когда отбежал от окна на безопасное расстояние, показал дому кулак. Чопа он не боялся, но все же ожидал неприятностей: Чоп не любил, когда рыболовы шлялись по ночам в порту. Потом Христофориди услышал детский плач и голос женщины.

— Не плачь, Елочка, — говорил голос, — мы сейчас кого-нибудь найдем.

Христофориди подошел ближе. Как человек шустрый, он сразу сообразил, что женщина нездешняя, что она приехала с ночным пароходом, что автобус в город начнет ходить только через четыре часа, а извозчиков ночью нет.

Христофориди решил заговорить с женщиной. Ему было жалко девочку. Не зная, с чего начать разговор, Христофориди сказал:

— Давай почистим!

— Что ты, мальчик! — засмеялась женщина. — Кто же чистит ночью?

Так завязался разговор. Женщина обрадовалась. Что могло быть лучше, чем встретить ночью в чужом, безлюдном порту чистильщика сапог и к тому же рыболова! Рыбная ловля развивает добродушие и болтливость, а чистка сапог дает мастерам этого ремесла множество практических знаний. В городах, богатых чистильщиками сапог, справочным бюро нечего делать.

Ко всем ценным свойствам рыболова и чистильщика сапог Христофориди присоединял энтузиазм. Безвыходное положение женщины вызвало в его голове поток вдохновенных идей. Как помочь? До города, где есть гостиница «Черное море», три километра. Вещи все равно не дотащишь.

Но раздумье продолжалось недолго: уже накрапывал обычный в Потти предрассветный дождь.

— Подождите здесь, я сейчас! — сказал Христофориди и скрылся, оставив у ног женщины ящик с ваксой и удочки.

Он бегом бросился к дому Чопа. Задыхаясь от сознания необыкновенности всего происходящего, Христофориди рассказал капитану о беспризорной женщине. Чоп пробормотал, что у него не зал

ожидания для пассажиров, потом медленно поднялся и грозно посмотрел на Христофориدي:

— Пусть посидит у меня до утра. Я все равно ночью дежурю. Веди, Семафор Семафориدي.

Христофориди повел капитана и Габуню на пристань. Всю дорогу Габуня спорил с капитаном. Габуня хотел уйти, но капитан его не пускал.

— Я с чудачками обращаться не учился, — бубнил он и требовал, чтобы Габуня остался у него до утра.

В конце концов Габуня согласился.

Женщина растерялась. Двое мужчин забрали ее чемоданы и повели куда-то к молу, где все громче и настойчивее грохотало море. Христофориди шел сзади и насвистывал от удовольствия. Он решил проследить за событиями до конца. Разговаривали мало: ветер с моря и скрип гравия заглушали голоса.

Женщина шла как во сне. Ей казалось, что она еще на пароходе. Земля покачивалась и волновалась от шума акаций и ветра.

Как во сне, она вошла в маленький белый дом, где медные барометры согласно показывали на «переменно», а под потолком висела модель белого клипера с позолоченным бугшпритом.

Белобрысый матрос в синем просторном костюме встал навстречу и стиснул до хруста в костях руку ей и девочке. Девочка заплакала.

Матрос присел перед ней на корточки, скорчил гримасу и, похлопывая в ладоши, начал напевать диким голосом нелепый английский фокстрот. Он хотел ее успокоить. Девочка ничего не поняла, но рассмеялась.

Смех разрушил общее смущение. Женщина разговаривала с Габунией. Христофориди, чтобы оправдать свое пребывание в доме капитана, нашел на кухне старые капитанские сапоги и яростно их чистил. Чистил до того, что сапоги почти горели — на них было больно смотреть.

Христофориди чистил и подслушивал. Из разговора женщины с Габунией он узнал, что зовут ее Елена Сергеевна Невская, что она ботаник (Христофориди знал, что значит это слово) и приехала работать на субтропической опытной станции в Потти. Потом уложили спать девочку и сели пить чай.

За чаем Христофориди услышал такие вещи, что у него пропала охота удить рыбу и он просидел до утра. Утром капитан нашел его на кухне. Вокруг Христофориди стояло пять пар дырявых ботинок, как бы покрытых японским лаком. Все эти пять пар капитан давно собирался выбросить на помойку. Сейчас они казались произведениями искусства. Христофориди не жалел потраченной ваксы и труда: ночной разговор стоил десяти банок самого нежного сапожного крема.

Когда женщина сняла плащ и шляпу и села к столу, Чоп, глядя на ее утомленное молодое лицо, добродушно сказал:

— Значит, приехали в нашу благословенную Колхиду. Чудесно! Чем же вы здесь намерены заниматься?

— Я специалистка по чаю, а здесь буду работать над всеми культурами, больше всего над эвкалиптами.

— Эвкалипты — чепуха! — сказал капитан. — Вот чай — это верное дело. Я тоже, можно сказать, специалист по чаю. Перевозил его на своем веку сотни тонн. Вот видите! — Капитан показал на модель корабля под потолком. Рекомендую: чайный клипер «Бегония». Последний клипер в мире. Я плавал на нем три года.

Сема радостно замычал. Невская посмотрела на клипер. Габуня заметил, что у нее очень спокойные, усталые глаза и тяжелые волосы каштанового, почти красноватого цвета.

Чоп отличался болтливостью. Он считал, что болтовня — лучший вид отдыха. Он часто говорил многочисленным приятелям:

— Пойдем отдохнем — поболтаем. Габуня знал, что Чоп не удержится и сейчас. И Чоп действительно не удержался:

— Вы думаете, старик врет и клипера давно сгнили? Верно, сгнили! Не спорю! Но один клипер,

вот эта самая «Бегония», ходил с Цейлона в Англию до самой войны. Это был чайный клипер, красавец. Перед каждым рейсом мы его покрывали лаком, и он всегда блестел, как мокрый.

Капитаны паршивых, грязных угольщиков злились на нас и подымали сигналы: «Душечка, подбери подол, а то мы тебя замараем!» Нас называли «холуями чайного клуба». Нас ненавидели во всех портах. Почему? Постойте, дойдем и до этого.

Мы возили чай из Коломбо в Лондон, особый сорт чая, самый страшный, по-моему, сорт. Он назывался «белые волосы». Вы специалистка по чайным делам. Вы меня поймете. Лучшим чаем считается тот, который перенес длительную перевозку. В пути чай в цибиках крепнет, набирает аромат, получает тонкий вкус. Говорят, здесь действуют время, воздух и теплота. Разве зря лучшим у нас в России считался в старые времена «караванный»? Его везли больше года на караванах из Китая к нам. В дороге третьи сорта превращались в первый. Верно? Вот видите, я тоже в этом деле кое-что маракую...

Сема захрапел, положив голову на стол. Чоп надвинул ему кепку на нос и сказал Габунии:

— Возьми ты его за ради бога к себе на работу. От парохода отстал, в Англию не хочет.

Парень хороший, только как будто глуповат. Неразговорчивый тип.

— Возьму. Ты про клипер рассказывай!

— Вот тут-то, в этих свойствах чая, и лежит причина существования нашего клипера. Он принадлежал чайной фирме Лесли. Почти весь чай эта фирма возила на железных пароходах, но должен вам заметить, что чай впитывает запахи, как промокашка чернила. На пароходах он терял аромат. К нему прилипал запах железа, угля, кожи, тухлой воды и крыс, вообще всякой трюмной дряни. Этот чай, пароходный, шел на широкий рынок, а для любителей, для гурманов, чтоб они пропали, чай привозили на деревянном клипере.

Мы не пахли крысами — мы пахли пальмовым деревом и жасмином. Честное слово! Почему жасмином? Потому что в чай для аромата подсыпали цветы жасмина, камелии и лавра. Обоняние у нас было развито., как у капризных женщин. Мы оставляли струю запаха за кормой, и на встречных пароходах кричали: «Фу, дайте отдышаться! Опять капитан Фрей потащил в Лондон свою плавучую парикмахерскую!»

Но это не все. По приказу фирмы мы шли на парусах из Коломбо в Лондон не через Суэцкий канал, а вокруг Африки. Мы шли медленно. Все это делалось нарочно, чтобы чай дольше находился в пути. Но зато и драли же за этот чай бешеные

деньги. Теперь понятно, за что нас презирали во всех портах.

Мы возили высшие сорта чая, в том числе и сорт «белые волосы». Я, как посмотрю на Габунью, всегда вспоминаю об этом чае. Вовсе не потому, что у тебя седина на висках. Это у тебя от задумчивости, тебе ведь всего тридцать два года.

Как я узнал о происхождении названия «белые волосы»? Вы слушайте, это любопытно.

Однажды на Цейлоне я отстал от парохода, так же вот, как Сема. Капитан надвинул Семе кепку почти до самого рта. — Что было делать? Есть нечего, денег нет! Пока вернется «Бегония», я поступил надсмотрщиком на чайные плантации Лесли. Все рабочие были туземцы и больше женщины...

Шум сапожных щеток на кухне затих. Очевидно, Христофориди перестал чистить ботинки, увлекшись капитанским рассказом.

Светало. Над морем зеленело небо, громадное, как океан. Чоп посмотрел за окно.

— Штиль, — сказал он. — Чудесно!.. Да, вот там я узнал, что такое колонии, что такое тропики. С тех пор у меня отвращение к тропикам. Меня тошнит от воспоминания о них.

Просыпаешься на рассвете... Воздух такой, что, кажется, тело молодеет на глазах. Шумят ручьи, на деревьях цветут какие-то чертовы цветы

величиной в супную миску, обезьяны качаются на хвостах и поплевают тебе на голову. Тучность, богатство! От одного запаха станешь поэтом.

Вот так просыпаешься и видишь огромное солнце над тропическими зарослями и слышишь хлопанье стеков, и плач женщин, и лающие голоса английских боссов — надсмотрщиков; смотришь на детей, жующих вонючую оболочку кокосовых орехов, и начинаешь накаляться от бешенства, пока смертельно не разболится голова.

Говорят, тропики — это рай. Кто говорит? Не слушайте дураков! Тропики — это ад, это слезы по ночам, вот что такое тропики! Иной туземец стиснет зубы, посереет, вот так бы, кажется, и двинул босса по черепу, а кулак не сжимается. Это особая болезнь. Называется «резиновый кулак». От пара, лихорадки, дьявольской работы люди слабеют, как выжатые. Я двумя пальцами шутя разжимал кулаки у самых сильных туземцев. Вот что такое тропики!

Так вот, я попал на плантацию, где выращивали сорт чая «белые волосы». Кончики листьев у него действительно беловатые.

Однажды я застал на плантации седую женщину. Она лежала на земле и плакала. В чем дело? Оказывается, у нее заболел муж, а уйти к нему она не может: выгонят или изобьют. Я поднял ее и увидел, что она еще молодая, вот вроде вас.

Говорю ей: «Иди, я за тебя отвечаю». Она поцеловала мне руку: «Господин, что они делают с нами, эти хозяева! Не только мы, даже чай седеет от наших мучений. Даже чай! Поэтому мы и называем его «белые волосы»...»

Чоп замолчал.

— При чем же тут я, кацо? — спросил Габуня. — Чем этот чай связан со мной?

— А при том, что благодаря тебе я потерял отвращение к тропикам. Вот он, — Чоп повернулся к Невской и показал на Габуню, — создает здесь советские тропики. Я понимаю: те же богатства, та же тучность, но свободно, разумно! За это стоит покрутиться.

Недавно я встретил Пахомова. Он мне и говорит: «Слушайте, Чоп, вы ни черта не понимаете. Ну, ладно, мы осушаем болота и вместо них создаем тропический край, сажаем лимоны, апельсин-ны, чай, рами и все прочее, уничтожаем малярию, разбиваем вдоль берега моря курорты. Но это не главное. Главное — то, что мы создаем новую природу для людей свободного труда. Мы доведем тропики до такого расцвета, какой вашим боссам не снился. Мы здесь покажем такую силу нашей эпохи, о какой вы и не подозреваете». Каков старик? Такими стариками не швыряются!..

Габуня поднялся. В полдень ему надо было возвращаться в Чаладиды на канал.

Утро уже шумело за окнами. Покрикивали грузчики, прогудел автобус, загрохотали пароход-ные лебедки, и мимо окон, хищно взвизгнув, пролетела чайка.

Невская подняла отяжелевшие веки и слабо улыбнулась. Было видно, что она мучительно борется со сном.

— Вот что, ботаник! — сказал Чоп свирепо. — Пока ваш «Лимонстрой» даст вам комнату, оставайтесь здесь. Что за жизнь с ребенком в гостинице! Комнат у меня две. Одну я уступлю. А к девочке мы пока приставим Христофориди. Его мать с детства лупила и заставляла нянчиться с сестренками.

— Неужели вы серьезно? — спросила Невская. — Я, правда, сильно устала, едва сижу.

— Мы уйдем, а вы располагайтесь. Прошу! — сказал Чоп и покраснел.

Габуния и Чоп ушли, захватив Христофориди. Невская вышла в соседнюю комнату, где спала девочка, и без сил свалилась на диван.

Сема проснулся. Он зевнул, сдвинул кепку на затылок и сказал по-английски:

— Продолжаем жить, леди и джентльмены!

Он оглянулся, никого не увидел, но услышал дыхание спящих. Тогда он пошел на цыпочках в кухню, взял щетку и начал подметать пол. Изредка

он жонглировал щеткой, бешено вертел ее, как паровой винт, и тихо покрикивал:

— Продолжаем жить, леди и джентльмены!

ОХОТНИК ГУЛИЯ

*Если человек вступал в джунгли,
глушь садилась рядом с ним у костра.*

Н. Тихонов

Мрачный охотник Гулия сидел у костра и разговаривал с собакой. У собаки начинался приступ малярии. Она лежала, прикусив кончик языка, смотрела на хозяина желтыми глазами и тряслась от озноба.

Вокруг простирались джунгли. Время шло к вечеру, и особая предвечерняя тишина звенела в ушах у собаки. Ей казалось, что налетают тучи moskitov, и она нервно встряхивала ушами.

Непроницаемые тугайные заросли висели в воздухе над глухим озером Нарипали. Сквозь ольху кое-где проридались темный граб и курчавые тутовые деревья. Длинные колючки на пожелтевших лианах были похожи на петушиные шпоры. В густом сумраке у подножия деревьев буйно, как крапива, разрастался удушливый папоротник.